

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Жан заверни-под-рукав. Французская народная сказка

У одной женщины было три сына, и такие милые, что просто радость глядеть. Но третий, бедняжка, был такой маленький, что и в пригоршне уместился бы. Потому его и звали Жан заверни-под-рукав.

В те времена бедняки так маялись, что и не описать. Столько было всяких войн, что вспахать землю было некогда. Опустели поля: ни зерна, хлеба. У господ-то в амбарах запасы были, а мужик-деревенщина питался чем попадя, иной раз и травой.

Бедняжка мать плакала в своей хижине: дети голодны, а накормить их нечем. Кто, кроме матери, поймет такое горе? Детишки голосят – у нее сердце надрывается. "Будь их у меня хоть двое,- думает женщина,- я бы их еще выходила. А с третьим что делать, с ним-то как быть?" И она всё плакала да плакала; а горю своему пособить нечем. "Возьму-ка да потеряю его в лесу!"

Но когда задумалась женщина, кого из трех ей лишиться, горько ей стало, и она снова заплакала.

И вот решила она избавиться от младшего. Посылает мать детей в лес и первым двум говорит:

– Пойдите погуляйте в лесу да зайдите подальше. Вот вам горох, сыпьте его по дороге, по гороху дорогу обратно найдёте. А Жан заверни-под-рукав пусть остаётся. Спрячьтесь от него в лесу да там и бросьте.

Так дети и сделали, как мать им сказала. Идут себе, идут, старший горох по пути рассыпает. Зашли далеко, уж еле ноги волочат. Остановились и сели под большим буком. Поели с него орешков, голод утолили. Самый маленький заснул, тут они его, бедняжку, и бросили.

Проснулся Жан заверни-под-рукав, видит, братьев нет. Стал сам искать дорогу – он видел, как старший брат сыпал горошины; по ним и добрался до дому.

Приходит домой, а уж ночь, двери заперты.

– Мамочка, а мамочка! Открой дверь!

Мать бежит, дверь открывает и спрашивает:

– Ты откуда, мой малыш?

Он ей и рассказал, как братья его потеряли и как он нашёлся. Бедняжка был весь мокрёхонек. Мать вздохнула горько, развела огонь, отогрела его.

Назавтра снова послала она детей в лес и наказывает: на этот раз чтобы Жан заверни-под-рукав не вернулся!

Послушались её сыновья, так всё и сделали. Оставили братца в большом овраге в глухом лесу.

Жан заверни-под-рукав был хоть и мал, а кричал громко! Звал он, звал свою мать, что послала его, бедного, на погибель. Никто не отозвался, разве только свой крик и слышит. От таких криков и каменное сердце дрогнет.

Плутал малыш по лесу там и сям и выбрался по тропке на луг, где пасся бык Морель. Испугался он, крохотный, такого огромного зверя и спрятался в траве у кучи камней.

А бык Морель пасся себе спокойно, привольно, подошел да вместе с пучком травы и проглотил малыша.

Мать же горемычная ночей не спит, все мается:

– Что я сделала со своим сыночком? Где его теперь искать?

Встала утром пошла в лес и кричит:

– Жан заверни-под-рукав! Жан заверни-под-рукав! Где ты?

А его нет. Лес огромный, а Жан заверни-под-рукав такой маленький, что и наступишь, не увидишь.

Мать и у травы спрашивала, где сынок, и у можжевельника, и у осен, и у огромных буков: не прячут ли они ее крошку? Но и трава, и можжевельник, и сосны только стеной стоят, густо сплели ветви и листья. А буки, старые да раскидистые, словно говорят: "Плохая ты мать, малыша нужно было беречь! Смотри, как мы-то бережем свои малые побеги!"

Материнское сердце всякий язык понимает. Наступит она на камень – ей и камень то же говорит; всякая тварь, что по земле ползает, о том же шепчет; и белки, что по ветвям скачут, и воронье, что по соснам каркает, и листья, что по лицу ей хлещут: "Беречь нужно было малыша!"

Так ей душу это и гложет, на сердце давит, великую печаль растревляет. Да нечего делать, возвратилась мать домой одинешенька.

А в тот день быка Мореля хозяин зарезал и выбросил потроха. Подобрался к ним ночью волк и съел, да и Жана заверни-под-рукав проглотил, не заметил. Так и оказался тот у волка в глотке, там и сидит. А волк, овечья гроза, все рыщет по округе да рыщет: нет ли ещё чем поживиться? Подкрался к загону для скотины, а из глотки у него Жан заверни-под-рукав как закричит:

– Эй, пастух! Эй, овцы! Берегись! Волк!

Услышал пастух, пустился с собаками за волком в погоню. Еле волк до лесу добрался, побит палкой да собаками покусан. Сколько ни пробует овечкой закусить, а все Жан заверни-под-рукав ему мешает.

От побоев сыт не станешь, только разве ноги протянешь. Совсем волк оголодал. Просит совета у лисы.

– Я,- говорит,- из всех зверей самый несчастный. Засело у меня что-то в глотке и каждый раз, как подберусь к скотине, кричит что есть мочи. Набрасываются на меня пастухи, не дают поесть. Совсем помираю с голоду.

А у лисы все какая-нибудь гадость на уме. Опустила этак голову, глаза закрыла, будто задумалась. Открывает глаза и говорит с умным видом:

– Братец волк, припоминаю такую немочь! Кто-то из вашего рода ею как-то маялся, а кто-то из нашего рода ее вылечил. Не бойся и ты, я тебе в горе пособлю. Ты вот что сделай. Видишь, там два дерева чуть не срослись? Суй между ними шею да зажимай потеснее, как только можешь. Что у тебя там в глотке кричит, то, глядишь, и выскочит.

– Спасибо тебе, лисонька, спасибо,- обрадовался волк, а сам от голода еле на ногах стоит. – Я тебе за совет и помощь добром отплачу.

Залез волк шеей между двух стволов и ну втискиваться, где поуже. Задыхается, а уж обратно выбраться не может. Дернулся изо всех сил – голову-то себе и оторвал. Обрадовалась лиса и убежала в лес. Довольна, что волку гадость сделала.

А Жан заверни-под-рукав тут на волю и вышел. Взобрался на ветку, что касалась земли, и залез на высокий-высокий бук. Только хотел посмотреть, не видать ли дороги до дому, как вдруг подходят трое разбойников и садятся под деревом добычу считать, старые деньги – пистоли да экую:

– Это твоё, это его, это моё!

– Нет, моё! – кричит сверху Жан заверни-под-рукав.

Разбойник думает, его товарищ жалуется, и отвечает:

– С тебя, дурень, хватит!

Начинают снова делить, а Жан заверни-под-рукав все кричит да кричит сверху:

– Нет, моё!

Испугались тут разбойники и ну убежать, а все свои монеты под буком оставили.

Жан заверни-под-рукав с дерева увидел монеты и думает: "Вот бы отнести их домой!" Да не знает, где дом, в какую сторону идти надобно. Думал-думал, а тут вдруг мать подходит. С того самого дня, как бросили братья его в лесу, она всё Жана искала. Так и нашла при мешке с монетами.

Схватила мать сыночка, в руках сжала, всего обцеловала, от счастья плачет:

– Ах ты, мой цыпленочек! Нашла я своего цыпленочка!

Да и Жан заверни-под-рукав прижался к ней:

– Мама! Мама! Больше мы с тобой не расстанемся!

Подобрала мать мешок с монетами и повела сына домой. Как вернулись они к себе в хижину, всем была радость.